

- ²⁶ Там же. Д. 16. Л. 164; Д. 24. Л. 219; Д. 54. Л. 8—9; Д. 58. Л. 112.
- ²⁷ Газеты СССР 1917—1960. Библиографический справочник. М., 1970. Т. 1. С. 40.
- ²⁸ ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 54. Л. 8—9; Д. 292. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Д. 197. Л. 26.
- ³⁰ Там же. Д. 24. Л. 218 об.; Ф. 75. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ³¹ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 84.
- ³² Там же. Д. 100. Л. 72.
- ³³ ЦГАОРЛ. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 560. Л. 116.
- ³⁴ Там же. Ф. 75. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 296. Л. 29.
- ³⁶ Там же. Ф. 2552. Оп. 559. Л. 7—8.
- ³⁷ Там же. Д. 805. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.
- ³⁹ Там же. Л. 88.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 921. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 557. Л. 18—19.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Д. 937. Л. 10.
- ⁴³ Там же. Д. 936. Л. 218.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58, Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7. Л. 27.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6—7 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 17. Л. 9.
- ⁴⁸ Там же. Д. 7. Л. 1—1 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 10. Л. 133—134.
- ⁵⁰ Там же. Д. 10. Л. 44—44 об.; Д. 17. Л. 39; Д. 21. Л. 13 об.; Д. 29. Л. 255.
- ⁵¹ Там же. Д. 7. Л. 19—19 об., 21—22.
- ⁵² Там же. Д. 10. Л. 14.
- ⁵³ Там же. Д. 24. Л. 219; Д. 58. Л. 84—85.
- ⁵⁴ Там же. Л. 10. Л. 129—129 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 58. Л. 94 об.

© 1990 г.

Ш. Д. Инал-ипа

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Абхазия в первой половине XIX в. делилась на две части — «внутреннюю» и «внешнюю»¹. Внутренняя Абхазия — территория между реками Бзыбь и Ингури, на которую распространялась власть владетельного князя². Внешнюю Абхазию составляли Садзен, или Джигети (район Гагра—Сочи) а также многолюдные горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цабал (Цебельда) и др.³. Иными словами, этнические границы были значительно шире политических.

Население Абхазии от р. Ингури на юго-востоке до р. Хоста на северо-западе в течение всей первой половины XIX в. было в основном еще мононациональным — абхазским⁴. По-прежнему оно находилось в окружении и теснейшем взаимодействии с этнически родственными и неродственными соседними народами — абазинским, убыхским, адыгскими (черкесскими), картвельскими, отчасти тюркскими (карачаевцы) и др. Это обстоятельство являлось постоянным фактором, определяющим во многом особенности этнической и культурной истории абхазского народа. Причем этнокультурные процессы на стыке двух и более групп носили, как и везде, сложный характер, протекая с различной степенью интенсивности в зависимости от социально-экономических, политических и других причин.

Действительно ли в начале XIX в. этническая граница между абхазами и грузинами (мегрелами) проходила по р. Ингури?

В турецких исторических источниках позднего средневековья неоднократно

указывается, что граница между абхазами, с одной стороны, и грузинами (мегрелами) — с другой, проходила в начале XVIII в. по линии крепостей Анаклия и Рухи⁵, т. е. в нижнем течении р. Ингури. Но впоследствии сама река стала стабильной границей между Абхазией и Мегрелией. Известный грузинский ученый XVIII в. Вахушти писал о походах против Мегрелии абхазского владетеля Шараха (Сореха) Шервашидзе следующее: «И было в Одиши большое несчастье, как описали выше, и главным образом от абхазцев, так как, приходя на лодках и сушею, уводили в плен людей, завоевали всю территорию до реки Егриси и поселили там абхазцев»⁶. Преемник Сореха — Келешбей Шервашидзе также силой овладел Анаклией⁷.

Немецкий ученый и путешественник Якоб Рейнеггс, в 1780-х годах живший в Грузии, имел возможность хорошо изучить местное население. Он побывал и в Абхазии, в частности в Пицунде (Безонта), Лыхнах (Суппу), Анакопии (Анакуфа), Сухуми (Сагхуми), Анаклии (Анаклея). Для нашей темы особое значение имеет свидетельство Рейнеггса о северо-западных и юго-восточных пределах распространения абхазов в середине 80-х годов XVIII в.⁸ Он называет почти все народы и этнические группы, в непосредственном окружении которых находилась в то время Абхазия: адыгов-шапсугов, абазин, грузин-мегрелов и сванов (не названы только убыхи).

Свое описание Абхазии Рейнеггс начинает со свидетельства, что «Безонта и вся юго-западная полоса Гордийских гор принадлежит сильному, боевому древнему народу, который называет себя Абхаз (Абгаз), а свою страну Аваза». Она граничит, продолжает он, «на северо-востоке с Соани (Сванети — Ш. И.), на юго-востоке с рекой Энгури и владениями Мингрелии», а вместе с тем отмечает и «большую абхазскую деревню, лежащую... у реки Энгури» под названием *Куг* (Kugh). Рейнеггс указывает также на «город, а около него крепость Анаклею...»⁹. Это резиденция абхазского князя Левана Сервазитсе (заметим кстати, что название Анаклея происходит от абхазского «Акра» — маяк, мыс, мегрельская форма — Анаркия, Анаклия).

Таким образом, на основании этого описания и других источников можно заключить, что в конце XVIII в. юго-восточная этническая граница абхазов, как и политическая граница их княжества, находилась в нижнем течении р. Ингури, в устье которой был расположен абхазский город-крепость Акра (Анаклия). Такая ситуация в основном сохранялась здесь и в течение всей первой половины XIX в., при слабо выраженных еще абхазо-грузинских ассимиляционных процессах.

В изменениях этнической ситуации, которые происходили в «стране Самурзакани» (совр. Гальский р-н), особая роль принадлежит массовому переселению сюда жителей Западной Грузии (главным образом из Мегрелии). Побудительными причинами этой миграции являлись социально-экономические и политические факторы, в том числе классовая борьба, бегство крестьян от тяжелой феодальной эксплуатации (крепостное право в Мегрелии было отменено в 1866 г.), малоземелье, малое плодородие почвы при относительно большой густоте населения, продажа крестьян и захват пленных абхазскими феодалами во время набегов. Последние были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку абхазские крестьяне считали наемный труд позорным. Немалую роль в миграциях играл обычай мести. Недовольные и преследуемые крестьяне бежали и за пределы Абхазии, главным образом в Мегрелию и на Северный Кавказ. Но самыми массовыми и постоянными были миграции мегрельских крестьян, оседавших в основном в соседней Самурзакани и других частях Южной Абхазии. Демографические и этнокультурные последствия таких переселений были огромны, поскольку они способствовали не только этническому взаимопроникновению, но и сильным процессам ассимиляции. Подобные миграции, как сказано, возникали под действием самых разнообразных факторов, в том числе голода, массовых эпидемий. В 1811 г., например в Имеретии, Мегрелии и Гурии вспыхнула эпидемия чумы, продолжавшаяся около двух лет

и унеся массу жизней. Начался небывалый голод. Спасаясь от бедствия, пишет очевидец Ник. Дадияни, «многие ушли в Абхазию, так как в Абхазии в том году не было ни голода, ни повальной той болезни»¹⁰.

Во многом эти переселения основывались на традиционном обычно-правовом институте гостеприимства (абх.— асасство) — обычае, при котором в дореформенное время крестьяне могли переселяться из одной общины в другую, переходить от одного феодала к другому. Обычай асасства официально сохранялся до 1869 г. Фактически же некоторые его нормы как существенный элемент традиционного быта абхазов продолжали действовать и позже, вплоть до первых лет Советской власти. По традиции любой гость считался лицом неприкосновенным, ему оказывали помощь и разные знаки внимания, защищали от преследования врагов, принимали в свою общину или братство и т. д. В наиболее благоприятном положении и в безопасности считался гость в доме владельца или членов его рода. Например, известный абхазский этнограф XIX в. Соломон Званба, несмотря на свое дворянское происхождение, был в свое время «простым асассом» в имении князя Дмитрия Шервашидзе и получил от последнего право на земли Цхубена (Дранда)¹¹.

Попытки царской администрации пресечь или хотя бы сократить число переселенцев, направлявшихся из соседней Мегрелии, не имели успеха, и их наплыв «год от года усиливался»¹², особенно в 1860—1880-е годы, т. е. в период махаджирства — массового насильственного выселения абхазов в пределы Османской империи. При этом следует отметить почти нулевой отток жителей Самурзакани за ее пределы. К началу XX в. согласно документальным данным в Самурзакани насчитывалось уже 5,3 тыс. мегрелов (около 13%). Но основную долю в местном населении (36,2 тыс. чел. св. 80%)¹³ составляли «самурзаканцы», этническое состояние которых нельзя определить однозначно.

В этнической ситуации, возникшей в Самурзакани, развитие абхазского языка и культуры на протяжении всего XIX в. происходило по-разному. Вплоть до 80-х годов XIX в. они продолжали доминировать почти на всей территории Самурзакани, что подтверждается свидетельствами многих бытописателей того времени. В начале XIX в. Н. Дадияни по заданию царской администрации принимал активное участие в военных действиях на стороне абхазских владельцев Сафарбея и Дмитрия Шервашидзе против османского ставленника, отцеубийцы Асланбея Шервашидзе, за что ему был пожалован чин генерал-майора. Он принадлежал к мегрельской владетельной фамилии, прекрасно знал мегрельский и грузинский языки. Но, как об этом пишет он сам, в Абхазии ему понадобился переводчик, которым стал сопровождавший его самурзаканский князь Темурква Анчабадзе. Н. Дадияни, образованный офицер, естественно, не нуждался ни в русском, ни в грузинском переводчиках. Поэтому услуги Темурквы Анчабадзе как переводчика заключались лишь в переводе с абхазского и на абхазский язык¹⁴. Следовательно, самурзаканский князь Анчабадзе с традиционным абхазским именем Темурква должен был хорошо знать свой родной абхазский язык. Но он не мог бы так свободно владеть им, если бы с детства его окружение, — а Анчабадзе жили вблизи правого устья р. Ингури, — не было бы абхазским.

Более того, абхазский язык имел определенное распространение и среди привилегированной части западнотурецкого населения, пограничного с абхазами (мегрельского, сванского и др.). Так, в 30-х годах XIX в. английский путешественник Э. Спенсер посетил Пицунду, Сухуми, Анаклию. О пребывании в Анаклии он, в частности, писал: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с ... черкесами... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами... от которых мы узнали много подробностей... и которые охарактеризовали знать Мегрелии ... как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий...»¹⁵. Нет, по-моему, сомнения в том, что под «черкесами» английский автор подразумевает абхазов, а не

адыгов (черкесов), поскольку мегрелы никогда не граничили с «черкесами», напротив, их разделяли горы и большие расстояния, что исключало возможность непосредственных контактов — необходимого условия знания одним народом языка другого.

Известный французский востоковед Мари Броссе, основатель европейского грузиноведения, в середине XIX в. путешествовал по Кавказу, в том числе по Мегрелии и Абхазии. Он посетил, в частности, Окум, «главный город Самурзакано» и «Бедию, резиденцию князя Хутуны Шарвашидзе». Весной 1848 г., описывая свои впечатления о пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадияни, он обратил внимание на то, что «церковь в Зугдиди заполнили съехавшиеся со ста верст в округе верующие. В толпе можно было видеть абхазцев-христиан, которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку, положенному на плечо; мингрельцев и имеретин, преимущественно одетых в русскую военную форму с красным воротником»¹⁶. Упоминаемые здесь люди с бритыми головами и накинутыми на плечо башлыками были представителями абхазской знати, приехавшей в гости к мегрельскому владетелю прежде всего из близлежащих самурзаканских селений.

С выселения части абхазов (60—70-е годы XIX в.) в Османскую империю, когда сфера распространения абхазской культуры на северо-запад от Ингури резко сократилась, в Самурзакани все-таки абхазским языком продолжали по традиции пользоваться еще довольно широко, особенно мужчины в общественных местах, хотя население этой области было уже этнически смешанным — абхазо-мегрельским. Между реками Охурей и Галидзга абхазский язык был, по словам одного наблюдателя, «языком не только общества, но и семьи»¹⁷. А. Цагарели, сведения которого из наиболее достоверных, в 1877 г. сообщал: «В Самурзакане у жителей мингрельский язык хоть и считается родным — женщины и дети говорят на нем, — но мужчины говорят и по-абхазски»¹⁸. В 1893 г. другой тонкий наблюдатель абхазского быта Н. Альбов писал, что на крайнем юго-востоке от Окуми, в общинах Саберию, Дихазурга, Чубурисхинджи и др., «господствующим языком является мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски». Тут же Н. Альбов отмечает, что названия гор и речек в Самурзакани «почти исключительно абхазские», «некоторые молитвы читаются по-абхазски» и что, наконец, «господствующие обычаи, и на первом плане обычай гостеприимства, — строго абхазские». Автор приходит к выводу: *«Большинство данных говорит за то, что самурзаканцы скорее происхождения абхазского и что мингрельский элемент явился сюда лишь в сравнительно недавнее время (курсив мой. — Ш. И.)»*¹⁹.

К концу XIX в. процессы этнической ассимиляции самурзаканских абхазов усилились. Этому способствовали значительно усилившиеся миграции мегрелов, большая близость культур абхазов и мегрелов, а также часто заключавшиеся браки, главным образом между мегрелками и абхазами, реже — между абхазами и мегрелами²⁰. В конце XIX в. самурзаканцы этнически представляли две группы. В 1896 г., по сообщению В. Т. Маевского, самурзаканцы, ближайшие к Зугдидскому уезду, говорили по-мегрельски, другие, ближайшие к р. Охурей, — по-абхазски²¹. Даже в начале XX в. К. Ф. Ган, также побывавший здесь, отмечал: «Если же в Самурзакане большинство дворянских семейств говорит на абхазском языке, и если этот язык в домашнем обиходе сохранился до сих пор в разных селениях этой страны, как, например, в селах Эшкетах, Бедиа, Гали, Окуми и т. д.; если имена многих фамилий, как Шервашидзе, Маргани, Маршани, Сванбай, Лакербай, Эмухвари и др. те же, как у настоящих абхазцев; если брак считающийся у мингрельцев действительным только после благословения священника, у самурзаканцев не требует церковного благословения; если при том тут сохранилось много чисто абхазских обычаев, то „старый самурзаканец“ все-таки, в конце концов, вправе причислить своих земляков к абхазцам»²².

Таким образом, в последней четверти XIX в. в этническом плане Самурзакань представляла сложную картину. Здесь жили абхазы и мегрелы, находившиеся в процессе постоянного этнокультурного взаимовлияния, имелись группы и даже целые селения, общины абхазов, утративших родной язык и полностью или частично перешедших на мегрельский. Некоторые села и общины сохранили абхазский язык и свое самосознание. Но вообще не исключено, что этническое самосознание населения Самурзакани в этот период было сложным и вполне отражало те этнические процессы, которые происходили здесь в течение многих десятилетий. Последние отразились и в названии «самурзаканцы», принятом во всех официальных статистических материалах второй половины XIX в. Так, в посемейных списках 1886 г. в Самурзаканском участке Сухумского округа основное население составляли «самурзаканцы» — 29,5 тыс. чел., здесь жили также мегрелы (около 1 тыс.). Кроме них к этому времени в участке поселились греки (2 тыс.), армяне (1 тыс.), эстонцы (0,6 тыс. человек) ²³.

В настоящее время только в нескольких селениях бывшей Самурзакани (Чхортоли, Бедия, Окуми Гальского района) частично сохраняется знание абхазского языка или абхазо-мегрельское двуязычие и осознание своей абхазской этнической принадлежности. Почти все остальное население считает себя грузинами (мегрелами) ²⁴. В результате указанных миграционных процессов коренные самурзаканцы в основном утратили свой язык, соответственно изменилось их этническое самосознание. Но вместе с тем нельзя забывать (как это иногда бывает у некоторых исследователей), что абхазы были не только объектом, но и субъектом влияния, имевшего здесь, как и в любой другой контактной зоне двух этнических групп, двусторонний характер. В итоге такого интенсивного и продолжительного взаимодействия мы имеем на рассматриваемой территории весьма своеобразный локальный самурзаканский вариант абхазо-мегрельской народной культуры.

В верховьях Ингури обитали, как и сейчас, сваны, с которыми абхазы также поддерживали постоянные тесные контакты, нашедшие яркое отражение в этнографическом быту и духовной культуре каждого из этих народов. Во второй половине XIX в. часть сванов переселилась в верховья р. Кодор, где образовалась «Абхазская Сванетия». Ранее в этом высокогорном районе находилось общество Дал, которое до махаджирства населяли абхазы во главе с княжеским родом Маршан (сейчас здесь живут единичные семьи абхазов).

На северной стороне Главного Кавказского хребта, вблизи абхазской этнической границы, находились разбросанные в верховья Кубани и ее притоков поселения абазин, адыгов, карачаевцев. Еще Я. Рейнеггс писал об абазинах: «Однако народ, живущий на Кубани под именем Абазек, считает себя давно отделившейся колонией абхазов и называет эту страну Большая Аваза, а своему местожительству дает название Малая Аваза... Говорят оба народа Большой и Малой Авазы одним языком, лишь различным по диалектам, и имеют одинаковые обычаи» ²⁵. Интересно, что часть абазин и жители аулов Апсуа, Старо- и Ново-Кувинское при общем названии «абазя» именуются также «апсуа», «апсуаква», т. е. самоназванием абхазов ²⁶.

Не менее сложным были этническая ситуация и родоплеменный состав населения на северо-западных границах Абхазии. Здесь на небольшой территории, в непосредственной близости друг от друга, веками жили четыре родственные между собой этнические группы — *абхазские* (садзы, или джигеты) *, составлявшие, по мнению некоторых ученых, «переход от абхазского племени к убыхскому» до р. Хамыш (Хоста), *убыхские* (от Хосты до р. Буу), *адыгские* (шапсуги, абадзехи и др.) на северо-запад от убыхов, а в прошлом и *абазини*,

* В современной советской историографии известна и другая точка зрения, согласно которой абазини (садзы, джигеты), а также убыхи являются самостоятельными, хотя и близкими к абхамам этногенетически и в культурном отношении этносами. См., например: Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955; Лавров Л. И. Абазини // Кавказский этнографический сборник. I. М., 1955; его же. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978

остатки которых отмечались в верховьях Бзыби еще в первой половине XIX в. В результате постоянного взаимодействия этих групп, близости их языков и культур стали отчасти намечаться некоторые признаки образования своеобразной, теснейшим образом взаимосвязанной общности, некой этнолингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц, которую условно можно назвать «абхазской».

Итак, начиная с юго-восточной стороны, этническая граница абхазов к середине XIX в. проходила по правобережью нижнего течения Ингури (хотя, как сказано, население здесь уже тогда было частично смешанным и шла ассимиляция самурзаканских абхазов мегрелами) и, продолжаясь по предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну р. Сочи́пта, где население было также этнически смешанным — абхазо- или садзо-убыхским. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников — северокавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф. Торнау, произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха»²⁷.

Приведенные выше сведения дают основание для вывода о том, что к 60-м годам XIX в. вся территория Абхазии — от Хосты до Ингури — была почти сплошь населена собственно абхазскими этническими группами — садзами, бзыбцами, акапо-гумцами, абжуйцами и самурзаканцами, включая сюда и горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цебельда и др. Численность этих групп не поддается точному определению²⁸. Кроме того, абхазский этнический элемент был представлен и на Северном Кавказе, если иметь в виду их ближайших сородичей — прикубанских абазин, а также в Аджарии, о чем будет сказано ниже.

Абхазы в целом не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай махаджирства и более ранние переселения абазин на Северный Кавказ. Это не значит, конечно, что вообще не было никаких передвижений. Но передвижения происходили в основном в пределах своей этнической территории, а миграции за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными. Большую роль в сдерживании переселений абхазов играли семейно-родовые традиционные связи, религиозные и патриархальные отношения. Хотя, с другой стороны, тот же традиционализм, в особенности обычай кровной мести, нередко выступал причиной одиночных и даже групповых переселений. Такие факторы, как язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, привычки, навыки, одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, обнимаемых термином «абхазство» (апсуара), были основными причинами традиционно малой миграционной активности абхазов. Но все-таки этого оказалось в дальнейшем недостаточно для сохранения их этнической монолитности в собственной стране. И волею неумолимых исторических судеб в течение короткого промежутка времени этническая территория Абхазии оказалась в корне перекроенной, причем прогрессирующие с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов своей жизни.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца Российской империи в другой, население перемешивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложнились насильственным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Махаджирство происходило несколькими этапами. Первая волна переселения имела место еще в 1840-х годах, вторая — в период Крымской войны (1853—1855 гг.), третья — в связи с упразднением ставшего уже ненужным царизму Абхазского владетельного княжества (1864 г.), четвертая — во время Лыхненского антиколониального восстания 1866 г и пятая, самая крупная — в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Так, поголовно были выселены убыхи, садзы — связующее этническое звено между абхазами и убыхами, многолюдные абхазские горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цебельда. Опустела вся Северо-Западная (от Бзыби до Хосты) и вся Средняя (совр. Сухумский и Гульрипшский районы) Абхазия, были выселены большинство бзыбских и в меньшей степени абжуйских сел и др. Картина была удручающей. «Куда же делись коренные жители этой страны?» — с возмущением восклицал грузинский общественный деятель Т. Сахокия в 1903 г.²⁹ По словам Н. Я. Марра, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»³⁰. Эмигрировало и много абазин, большей частью из племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, баговцы, большинство чегреев и мысылбаев). Другую часть абазин — тапантовцев переселение затронуло сравнительно в меньшей степени³¹. Всего же переселилось в Турцию, по примерным данным, около 100 тыс. человек абхазского этнического корня, включая и абазин³².

Небольшая часть абхазов-махаджиров обосновалась в районе Батуми, входившем до 1877 г. в состав Османской империи. Эти земли турецкое правительство с 1866 г. уступило в аренду абхазским эмигрантам, которые за это были обязаны платить мечети; постепенно абхазы образовали среди аджарцев несколько селений³³. Число абхазов, поселившихся к концу XIX в. в Батуми и его окрестностях (селения Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудие, или Мнатоби, Ферия, Кведа, Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в Кобулет, Пичвнари, Цихисдзири, Чаква и др.), составляло не менее 10 тыс. чел.

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого дают о себе знать по сей день.

Махаджирское опустошение создало исключительно благоприятные условия для усиления колониционных процессов. С середины, а особенно с последней четверти XIX в. многонациональность населения Абхазии становится все более и более заметной. В ряд мест, главным образом в Сухуми, а также в другие прибрежные пункты — Акра (совр. Анаклия), Очамчира, Дранда, Келасури, Псырдзха (совр. Новый Афон), Гудаута, Пицунда, Гагра, Цандрипш и др. постоянно переселялись вначале не очень многочисленные иноэтнические группы — грузины (в основном мегрелы), русские, армяне, греки, эстонцы, турки, представители других народов.

На Красной Поляне, где в июле 1864 г. был отслужен молебен по случаю сдачи последних непокорных кавказских племен (ахчипсовцев и псхувцев) и окончания Кавказской войны, первые новые поселения появились уже в конце 1860-х годов³⁴, причем древнеабхазское название Губаадвы, откуда Кбаада, было заменено царским фамильным именем — Романовск. Эти поселения представляли собой небольшие деревни греков и эстонцев³⁵ — едва ли не первые иноэтнические поселки здесь после махаджирства. К концу же века этническая картина стала значительно более сложной, особенно на побережье. Так, согласно А. Н. Дьячкову-Тарасову, описание которого относится к лету 1900 г., вблизи Адлера находилось большое село Молдаванка, а разноязычное население самого Адлера состояло из русских, турок, мегрелов, абхазов, персов, представителей других национальностей. Но эта «великолепная», по определению А. Дьяčkова-Тарасова, русская колониальная окраина³⁶ не составляла, конечно, исключение. Такая же картина наблюдалась и в ряде других мест (например, в Гагре).

Колонизация края, получившая широкое развитие с середины 60-х годов XIX в., была одним из самых существенных звеньев в цепи великодержавной политики царизма на Кавказе³⁷. Целью этой политики было не только экономическое освоение «освобожденных» от горцев земель, но также руссификация местных жителей и стремление иметь на побережье — от Анапы до Бзыби

и далее на юго-восток — вполне надежное в политическом отношении население, путем создания не только сельских гражданских, но и военных казачьих поселений. Колониальный земельный фонд составлялся из обширных конфискованных участков бывшего владельца и других абхазских феодалов, земель махаджирских эмигрантов (которым в случае возвращения на родину было запрещено селиться вблизи побережья), «казенных земель» крестьянских общин и других «свободных земель». Заселение происходило путем вызова переселенцев, отведения и продажи им государственных земель, которые к 1900 г. составляли более 480 тыс. десятин³⁸. Формы колонизации были разные: арендная, особенно поощрявшаяся абхазскими помещиками, «дворянская», курортная, монастырская, а с конца XIX в. и «пролетарская» и др. О колонизации В. И. Ленин писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа „руссификации окраин“»³⁹.

Так, начиная с 30-х годов XIX в. и до начала XX в. в разных районах Абхазии были основаны десятки русских или смешанных по национальному составу поселений. Вот неполный перечень этих поселений⁴⁰, названных в большинстве своем по именам знатных особ, основателей поселков или по губерниям, откуда вышли иммигранты: Александровское, Алексеевское (Первое и Второе), Анастасьевское, Андреевское, Баклановское (Бакланка, Баклановка), Бамбора, Белореченский поселок, Беслетская, Васильевка, Веселая и др. В с. Михайловское на Гумисте в 1881 г. поселились греки, в с. Мцара в 1892 г. обосновались армянские беженцы из Турции и т. д.

К 1900 г. таких селений было уже более 35. Некоторые из них владели, правда, жалкое существование и вообще сошли на нет. Кроме того, страшным бичом для новопоселенцев являлась малярия, свирепствовавшая в тогдашней Абхазии. Это не относится к преуспевавшим богачам, которые селились в таких предгорных местах, как Цебельда, где, по сообщению Г. А. Рыбинского, на рубеже XIX—XX в. было 24 помещика, владевших 16 тыс. десятинами земли, из которых половина принадлежала графу Бобринскому.

Как мы видим, только на рубеже XIX—XX в. в Абхазии появился целый ряд русских поселений, которым были даны в большинстве случаев русские названия, а коренные абхазские наименования были преданы забвению⁴¹. Все эти малые и более значительные поселения и дачи создавались, как правило, на лучших местах курортной зоны в районе Сухуми, Гагры, Гудауты, Адлера, Цебельды и т. д.

Русским центром в Абхазии в 1860—1870 гг. был Сухум, населенный тогда почти исключительно русскими, но к концу века, в связи с созданием в 1874 г. Ново-Афонского монастыря, роль русского центра перешла к Новому Афону. «В монастыре,— читаем в книге „Абхазия и Ново-Афонский монастырь“,— живет 300 монашествующих, до 400 послушников и несколько сот рабочих. Это настоящий, чисто русский, православный культурный пункт, имеющий, кроме религиозного и экономического, и весьма важное политическое значение»⁴². Афонский монастырь получил 3278 десятин земли, а Моквский, основанный в 1885 г.— 300 десятин.

К концу XIX в. в Абхазии было создано еще до 20 новых поселений, где обосновались малоазийские (турецкие) армяне⁴³, греки⁴⁴, эстонцы⁴⁵, немцы⁴⁶. Так, в 1860-х годах в Цебельде обосновалось 70 греческих и 150 чешских семей⁴⁷.

В XIX в. в Абхазию было завезено несколько негритянских семей, немногочисленные и сильно ассимилированные потомки которых еще встречаются (или встречались до недавнего времени) в нескольких селениях Южной, а также Северной Абхазии (Адзюбжа, Киндги, Тамыш, Тхина, Река, Илори, Ачандара, Аацы и др.)⁴⁸. У старшего поколения этих жителей ярко были выражены негроидные расовые признаки: темный цвет кожи, крутые завитки черных волос, характерный рисунок губ и пр.⁴⁹.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. христианское население Малой Азии (армяне, греки, грузины и др.), рассчитывая на избавление от многовекового турецкого господства, приняло русских, по словам английской газеты «Дейли-Ньюс», «с распростертыми объятиями». Командующий корпусом царских войск Лорис-Меликов, учитывая страх христиан за свою судьбу в случае, если по заключению мира их интересы не будут учтены, считал необходимым переселение их в Россию для сохранения дружественного элемента на случай новой войны с турками, причем значительная их часть, главным образом армяне и греки, переселились в Абхазию⁵⁰.

Так постепенно маленькая Абхазия из страны моноэтнической превратилась в полиэтническую, одноцветная в основном этническая карта сменилась многоцветной, мозаичной. Например, в начале XX в. в окрестностях Сухуми, кроме единственного абхазского селения, уже было 26 общин переселенцев, из них 10 греческих, 6 русских, 5 мегрельских, 3 немецких, 3 эстонских, в Драндах поселились болгары⁵¹, в Эшерах и других местах — лазы.

Существенно менялась также доля абхазов в общей численности населения Абхазии. Если к середине XIX в. абхазы составляли подавляющее большинство населения страны, то к концу века в результате массовых миграций мегрелов и процессов этнической ассимиляции абхазов их было немногим более 55%. В 1897 г., по данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Абхазии проживало 106,2 тыс. чел., из них абхазов — 58,7 тыс. (55,3%), грузин — 25,9 тыс. (24,4%), армян — 6,5 тыс. (6,1%), греков — 5,4 тыс. (5,0%), русских — 5,1 тыс. (4,8%), прочих — 4,5 тыс. (4,2%)⁵². Таким образом, абхазы еще составляли более половины населения Абхазии. Но вскоре эта демографическая ситуация стала меняться. По переписи 1959 г., абхазы находились уже на четвертом месте, составляя лишь 15,1% всего населения Абхазии. Несомненно, созданию такой демографической ситуации способствовала целенаправленная ассимиляторская политика, в частности переселенческая, осуществлявшаяся в Абхазии в период бериевщины. Наибольшую долю в населении республики составили грузины (39,1%), на втором месте оказались русские (21,4%), на третьем — армяне (15,9%)⁵³. Только за последние 30 лет наблюдается очень небольшое повышение доли абхазского населения — в настоящее время свыше 18%.

Подведем некоторые итоги. Коренное население Абхазии характеризуется слабым участием в межрегиональных миграционных обменах, что обусловлено главным образом этническими и социально-психологическими причинами. Традиционные социальные и этнографические особенности препятствовали длительному отрыву местных жителей от веками создававшейся привычной этносоциальной среды, адаптации их в инонациональной среде, что также служит косвенным, но существенным доказательством насильственного характера махаджирского выселения. Все это отражалось на тенденциях и динамике территориального перемещения местных жителей, которые оставались и наименее урбанизированной частью населения. Вместе с тем в XIX в., особенно в пореформенное время, после выселения абхазов небывалые масштабы принимают эмиграционные процессы. Главной особенностью и результатом таких процессов является непрерывное сокращение доли абхазов в Абхазии при одновременном резком увеличении иноэтнического элемента и почти полном отсутствии сколько-нибудь заметного миграционного оттока населения.

Конечно, человеческое бытие — это всегда общение и контакты. Они происходили везде и всегда, в том числе и в Абхазии XIX в., а тем более в нынешнюю эпоху НТР. Нет ни одного «чистого» народа. Бесперывное смешение и перекрещивание народов — один из важнейших законов внутриэтнической эволюции. Процесс усиления интернационализации и ломки национальных перегородок, который мы сейчас наблюдаем, берет свое начало, как указал В. И. Ленин, в основном с рубежа XIX—XX вв.

Отмеченную выше смешанность растущего народонаселения на ограниченной территории⁵⁴ нельзя рассматривать вне зависимости от эпохи, изолированно от общего политического и социально-экономического развития страны. В частности, на изменение этнической ситуации в Абхазии не могли не оказывать свое влияние и такие факторы, как относительно быстрое развитие капиталистических отношений в пореформенный период (с 1871 г.), создание промышленных и торговых предприятий, оживление морского и других путей сообщения, строительство Черноморской шоссейной дороги (1892 г.), дачное и курортное строительство (Гагринская климатическая станция принца Ольденбургского, которому принадлежало здесь 14 500 дес. земли, санаторий «Гульрипш» крупнейшего русского лесопромышленника Н. Н. Смецкого, имение великого князя Александра Михайловича на Мачаре и др.), основание в 1874 г. большого Ново-Афонского монастыря на месте исчезнувшего с лица земли крупного абхазского селения Псырдзха, возникновение и рост городов (Сухум, объявленный городом в 1847 г., насчитывал в 1853 г. 300 жителей, а в 1893 г. — 7 тыс.) и др.

Абхазия на рубеже минувшего и нынешнего столетий являла собой пример поразительного сочетания разнообразных тенденций. С одной стороны, непрерывный приток групп различных национальностей способствовал, например, развитию некоторых форм хозяйства (табаководства, торговли, отдельных видов ремесленного производства и др.), росту культуры и просвещения, а также созданию кадров местного рабочего класса и интеллигенции и т. д. С другой стороны, мы видим ничем не прикрытую колонизацию края, проводимую царизмом в интересах военно-феодалного и буржуазно-помещичьего режима, хищническую эксплуатацию уникальных природных богатств, без ведома и участия коренных жителей, объявление последних (после махаджирства) «виновным населением», начало культурной нивелировки, ломку традиционных устоев под воздействием вездесущего «Бессердечного чистогана», образование необратимой смеси и пестроты этнического состава населения, уменьшение количества абхазов до крайне опасных размеров, поставившее абхазский народ перед угрозой полной ассимиляции.

Абхазия, где издавна сталкивались и перекрещивались исторические судьбы разных народов — абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского, кабардинского, грузинского, а с начала XIX в. русского и других народов, где теперь бок о бок живут и трудятся представители около 100 национальностей, стала, особенно за последнее столетие, своего рода естественной лабораторией для изучения взаимодействия этносов, культур и языков. Вряд ли поэтому можно переоценить теоретическое и практическое значение комплексного исследования этнокультурных процессов, происходящих здесь в течение длительного времени. Но изучаются они у нас все еще слабо, несмотря на то что Абхазия представляет собой одну из «горячих точек» нашей страны в области национальных взаимоотношений, а национальная политика является в настоящее время самой актуальной и сложной политикой. Поэтому, на мой взгляд, назрел вопрос о создании (например, при Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР) хотя бы небольшой группы специалистов по вопросам истории и нынешнего состояния национальных отношений в Абхазии, в полном соответствии с духом и буквой решений XIX партийной конференции, записавшей в своей резолюции: «Современная национальная политика нуждается в глубокой научно-теоретической разработке. Это ответственный социальный заказ научным учреждениям и специалистам»⁵⁵.

¹ Дадлиани Ник. История Грузии. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). 1902 Вып. 31. С. 99.

² Ангелова И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1949. С. 9, 10.

³ Шервашидзе Г. М., сын последнего владельца Абхазии, писал в 1910 г.: «Народ Псхе и Ахчиспе ничего общего в своей политической жизни с Абхазией не имел и никогда в состав княжества Абхазского не входил, отторгнутый от последнего не только исторически, но и естественными препятствиями» (Шервашидзе Г. Так пишется история // Закавказье. № 125). Сказано слишком безапелляционно. Ни о каком абсолютном «отторжении Малой Абхазии», куда входили названные общества, от «Большой Абхазии» не может быть и речи. Вспомним хотя бы периоды правления некоторых владельцев Абхазии XVIII—XIX вв. — Зураба, Келешбея, да и самого Михаила, отца автора приведенной цитаты. Абхазские владельцы не только имели большое влияние на Джигетию, но последняя иногда даже входила в Абхазское княжество, хотя бы формально, как это имело место, например в 1841 г., вскоре после образования Джигетского (Садзского) приставства, причисленного к Абхазии (Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С. 17—19). Но скоро приставство было вновь отторгнуто от страны и присоединено к Черноморской губернии. Вообще царское правительство по своему усмотрению неоднократно кромсало и перекраивало административную карту Абхазии. Однако при всех этих изменениях основными частями страны оставались Бзыбь на северо-западе, Средняя Абхазия и Абжуа на юго-востоке.

⁴ Вопросы исторической и современной демографии Абхазии мало освещены в научной литературе — см. монографии Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965 и Дзидзария Г. А. Народное хозяйство.; его же. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, в каждой из которых специальные разделы посвящены населению. См. также Соловьева Л. Т. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985.

⁵ Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII—XVIII вв.) (Турецкий текст с грузинским переводом). Шенгелая Н. Н. Тбилиси, 1982. С. 36, 37, 93, 99, 117, 147 и др.

⁶ Вахушти. История Грузии. Тифлис, 1913. С. 317. Ч. II. Мы еще мало, что знаем о роли миграций в этнокультурном развитии и политической жизни народов Кавказа, в том числе Абхазии, но отрицать значение переселений, особенно в определенные периоды истории нашего края, конечно, не приходится, что требует, однако, специального изучения.

⁷ Дадлиани Ник. Указ. раб. С. 76.

⁸ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 209, 404.

⁹ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Hildesheim und St. Petersburg, 1797. Th. II.

¹⁰ Дадлиани Ник. Указ. раб. С. 89.

¹¹ Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 9.

¹² Соловьева Л. Т. Указ. раб. С. 103.

¹³ Там же. С. 52, 53.

¹⁴ Дадлиани Ник. Указ. раб. С. 103.

¹⁵ Spenser E. Travels in Circassia, Krim-Tatari. L., 1839. P. 317—318.

¹⁶ Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. Тбилиси, 1983. С. 223—224.

¹⁷ Цагарели Г. Мингрельские этюды. СПб., 1880. Вып. I. С. VII—VIII.

¹⁸ Цагарели А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 года // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877, Вып. XI. С. 205, 210.

¹⁹ Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. СПб., 1893. Вып. III. Год третий. С. 306.

²⁰ Аналогичная картина наблюдается у северокавказских абазин, которые в условиях чересполосного расселения и еще большей культурной близости с адыгами (черкесами) уже давно подвергаются ассимиляции со стороны последних.

²¹ Маевский В. Т. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1896. С. 265.

²² Ган К. Ф. Поездка в Мегрелию, Самурзакань и Абхазию // Кавказский вестник. Тифлис, 1902, № 4. С. 29; см. также Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 41.

²³ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

²⁴ Соловьева Л. Т. Указ. раб. С. 44, 53.

²⁵ Reineggs J. Op. cit. P. 4—13.

²⁶ Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955. С. 5—6 сл.

²⁷ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 113.

²⁸ Действительно, очень запутанный и противоречивый имеющиеся сведения о количестве населения Абхазии к середине XIX в. — от 30—35 и до 150 тыс. чел. и более. По-видимому, ближе всего к истине Ф. Торнау — около 140 тыс. и А. Берже — около 145 тыс. (вместе с садзами и абазинами), хотя Г. А. Дзидзария склонен придерживаться цифры около 100 тыс. чел. (Дзидзария Г. А. Народное хозяйство... С. 24—25).

- ²⁹ Сахокия Т. Путешествия... Тбилиси, 1950. С. 296 (на груз. яз.).
- ³⁰ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 177.
- ³¹ Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. I. С. 16.
- ³² Современный нам американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения английских консулов в Сухум-Кале и Керчи в 60-х годах XIX в., пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150.000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне (курсив мой — Ш. И.). Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее черкесское племя — убыхи». Автор далее указывает, что абхазские и убыхские земли, с которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселяться азовскими казаками и всякого рода «заслуженными» царскими чиновниками (Толедано Эхурд Р. Османская работорговля и ее упадок. 1840—1890. Принстонский университет, Нью-Джерси. С. 149). Поскольку в приведенной здесь цитате убыхи упоминаются отдельно, то, само собою понятно, что под абазами можно подразумевать только абхазов, так как собственно абазин в то время на побережье уже давно не было.
- ³³ Вольфоглу И. И. Древние известия о Батуме // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1905. Т. XXVIII. № 1. С. 46.
- ³⁴ Дьячков-Тарасов А. Н. Через перевалы Псеашха // СМОМПК. Вып. 31. 1903. С. 38—39.
- ³⁵ Тот же автор отмечает, что 20 эстонских семей поселились в 1860-х годах в с. Бурное, которое находилось в верховьях р. Лабы (Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. раб. С. 18).
- ³⁶ Там же. С. 43—48.
- ³⁷ Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 422, 423.
- ³⁸ Там же. С. 425, 428.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 330.
- ⁴⁰ Указанные кое-где в скобках сведения о времени основания отдельных населенных пунктов заимствованы в основном из книги Д. И. Исмаил-Заде «Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в.» М., 1982. см. также Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
- ⁴¹ Из числа населенных пунктов, в которых стали жить приезжие, местные названия сохранили всего лишь несколько: Адлер, Бамбора, Гудаута (с 1897 г. населенный пункт городского типа), Дранда и некоторые другие. Колонисты не только «беспощадно вырубали леса», но и «уничтожали прежние географические имена, и скоро Абхазия неузнаваема будет...», — писал К. Д. Мачавариани в своем «Путеводителе...» (С. 153, 346). Так, ничем не оправданная замена и ликвидация абхазских названий и вообще бесконечная топонимическая чехарда в Абхазии, принявшая широкий размах в период бериевщины, берет свое начало еще во второй половине XIX в., причем она была связана с политикой сначала русификации, а потом грузинизации края.
- ⁴² И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899. С. 245.
- ⁴³ Агара Армянская, Арагич и Лабра в Очамчирском районе, ряд армянских селений на территории современного Гулрипшского района, Эшера Армянская в Сухумском районе, Анухва Армянская, Мцара, Каваклук (совр. Агараки) в Гудаутском районе и др.
- ⁴⁴ Большое греческое селение Михайловка, на месте бывшей абхазской общины Гума, с. Ольгинское северо-восточнее Сухуми и др.
- ⁴⁵ Эстонка юго-восточнее Сухуми, на месте абхазского Даупкыт, или Дапукут, на правом берегу нижнего течения Кодора, Сальме в верховьях Псоу и др.
- ⁴⁶ Поселки немецких колонистов Гнаденберг, Линдау и Найдорф были созданы в окрестностях Сухуми в 1879 г. (Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 430).
- ⁴⁷ Кавказ. 1866. № 76.
- ⁴⁸ Нелегкая судьба занесла их сюда. Вот что ответил старый адзюбжинский негр Ширин Абаш на вопрос о том, как они попали в Абхазию: «Еще в прошлом веке один купец, приобретя большую партию негров-рабов, привез их в Стамбул, а вскоре они были подарены русскому царю. Но в Петербурге мои соотечественники от непривычного климата стали болеть и умирать. Оставшихся в живых, среди которых был и мой прадед, царица подарила, как дарят котят, одному вельможе, имевшему поместье на теплом берегу Черного моря» (Счастье старого негра // Заря Востока. 17 августа 1958 г.)
- ⁴⁹ Неструх М. Ф. Человеческие расы. М., 1954. С. 54.
- ⁵⁰ Мегрелидзе Ш. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1879 гг. Батуми, 1955. С. 63.
- ⁵¹ Ган К. Ф. Указ. раб. С. 33.
- ⁵² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. С. 244—253, 288—291.
- ⁵³ Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1967. С. 24.
- ⁵⁴ В 1959 году средняя плотность населения Абхазии доходила до 47 человек на 1 км², а в курортных зонах почти до уровня наиболее развитых стран Европы, где в 1977 году на 1 км² проживало 64 человека.
- ⁵⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 139.